

**Гостиная. Русское безрубежье. Юбилейный выпуск. 1995–2015.
NC Publishing Philadelphia, 2015. – 322 с.**

Идея журнала «Гостиная», тематического журнала, в котором произведения авторов складывались бы в беседы художника с миром, родилась в среде русской диаспоры в Америке, у тех, кто желал оставаться в своей культуре, развивать ее в слове и образе, чувствовать себя причастным к своей духовной родине. Среди инициаторов

НЕВА 6'2016

этого начинания были и профессор Пенсильванского университета Арон Каценелинбойген (1927–2005), советский и американский экономист, философ и публицист, и поэт, прозаик Вера Зубарева, ныне его главный редактор. Вера Зубарева констатирует, что на смену эпохи русского зарубежья пришла эпоха русского безрубежья: новые информационные технологии позволили отринуть географические границы и вступить в интеллектуальное и творческое общение вне зависимости от места проживания. Журнал выходит в сети и печати, в его редакционную коллегию входят литераторы США, Австралии, России, Эстонии, Украины. Первый номер увидел свет в 1995 году. В этот юбилейный выпуск включены произведения авторов из Австралии, Америки, Германии, Израиля, России и Украины: проза и поэзия, критика и эссеистика, статьи литературоведческие и философские, воспоминания и интервью. Философско-религиозным темам посвящены работа А. Каценелинбойгена «Об одной из возможных интерпретаций Торы» и фрагмент из книги культуролога М. Эпштейна «Религия после атеизма. Новые возможности теологии», где автор полемизирует с Ницше и Шопенгауэром по вопросам христианства. Небольшие поэтические подборки 28 поэтов искусно выполнены, давая представление о разных гранях таланта авторов и многообразии волнующей их тематики. Детство, семья, частная жизнь, мужчина и женщина — вот основные темы прозаических произведений. Не обошлось и без исключения: неоднозначный, заостренно-резкий рассказ Нины Большаковой «Похороны мастера татуажа», где события на Донбассе даны через призму восприятия одной русско-украинской семьи. Отрадно, как оперативно реагируют авторы журнала на появление интересных и значимых книг в Петербурге. Так, среди разноплановых, небольших по объему, но весомых критических статей есть и отклик Г. Яропольского на сборник «Певчий ангел» (составитель Т. Ивлева, СПб.: Алетейя, 2015), в этом сборнике представлены произведения 29 поэтов XXI века, проживающих в России и в странах ближнего и дальнего зарубежья. В журнале все время рождаются новые идеи, так появилась идея отметить поэтов, являющихся главными редакторами толстых печатных и сетевых журналов, организаторов крупных литературных фестивалей, многие годы сочетающих участие в литературном процессе с творчеством, благодаря этим подвижникам были услышаны голоса многих достойных писателей. В течение 2015 года о каждом из них в журнале «Гостиная» появлялись — в разных формах — публикации. В этом номере помещено интервью с Натальей Гранцевой, главным редактором журнала «Нева», отметившего в 2015 году свое 60-летие. Другое интервью, с литературоведом Евгением Витковским, посвящено русской литературе Австралии, ведущей свое начало от Бальмонта, побывавшего на пятом континенте в 1912 году. Малознакомые страницы истории, малознакомое нам современное состояние русской литературы в Австралии. И все-таки одна из наиболее волнующих тем этой «Гостиной» — тема войны, ведь в 2015 году весь мир праздновал победу над фашизмом. Уже нет в живых большинства ветеранов, но остались их дети. Они бережно сберегли дневники родителей, их записки, свежи и их собственные впечатления. Благодаря этому появились в журнале «Страницы памяти: к 70-летию Победы». Отрывки из военных дневников младшего лейтенанта Григория Литинского, с октября 1943-го по январь 1944-го воевавшего под Витебском. Отрывок из книги Прасковьи Суровой (1933–2006) — «Детство, опаленное войной». Ей, девочке из большой крестьянской семьи, было восемь лет, когда началась война, но она запомнила и отступление советских солдат, и жизнь в оккупации, и казнь партизанки, и концлагерь в Эстонии, куда из родной деревни угнали ее семью. И не забыть ей освобождение из барака, заминированного уходящими от наступающей советской армии немцами. Услышав

звук моторов мотоциклов, запертые в бараках люди стали кричать. «Наши поняли, что в бараках находятся люди, и, выломав двери, выпустили нас на свободу. А мы, обессиленные, ползли к ним, целовали их сапоги». О своем отце, лейтенанте Златкине, неоднократно попадавшем в нештатные ситуации и трижды избежавшем расстрела, вспоминает Галина Климова. Памяти отца (1923—1999), Кима Зиновьевича Беленковича, посвящена публикация Веры Зубаревой. Из потрепанных дневников 18-летнего курсанта морского училища, попавших к ней уже после смерти отца, она узнала, как в его юности переплелись любовь и война. Когда «весь керченский канал был освещен прожекторами и взрывами снарядов. В воздухе стоял сплошной вой от летящих снарядов, осколков, свистящих и рвущихся бомб. Мы были в центре этого содома. В ста-ста пятидесяти метрах упали и разорвались в воде три бомбы, которые легли параллельно правому борту. Они, вероятно, предназначались для нас», — юношу волновали превратности любви. О своем видении войны, победы пишет, перемежая прозу и стихи, Ефим Бершин. поэт, прозаик, публицист: «Моя война. Моя победа». «О войне я узнавал, прячась под столом, потому что за столом мне еще не было места. За столом сидел отец. За столом сидели еще молодые, несколько лет назад вернувшиеся с фронта мои дядьки и соседи. ... На пять человек почему-то приходилось восемь ног». «Отец, конечно, был сталинистом. И это несмотря на то, что успел отсидеть в сталинском лагере. Почему? В молодости я, уже все зная, все прочитав, спорил с ним до хрипоты, до полного разрыва, до слез матери. А потом перестал. Зачем? Это его жизнь. А еще позже задумался: может быть, они знают что-то такое, чего мы не знаем? Чувствуют что-то такое, чего нам почувствовать уже не дано? ... И что делать, если я всю сознательную жизнь ненавижу Сталина, но людей за нашим столом, которые пели „Выпьем за Родину, выпьем за Сталина“, просто обожаю?» Так на страницах журнала герои очерков вливаются в огромный бессмертный полк, прошедший по планете в мае 2015 года.

Игорь Ефимов. Ясная Поляна. Роман в диалогах. Новосибирск: Свинья и сыновья, 2015. — 336 с.: ил.

Роман о Льве Толстом в жанре телевизионного сценария. Текст поделен не на главы, а на акты. Каждому акту предшествует «видеоряд», краткое описание места действия, а это не только Ясная Поляна, но и Кавказ, и Москва, и Самарская губерния, но все-таки главное — Ясная Поляна. Эпизоды в актах разделяют «сноски за кадром»: выдержки из Евангелия, афоризмы философов и писателей, поэтические строки. Среди более семи десятков действующих лиц — сам Толстой и его домочадцы; близкие люди — Фет, Чертков, Н. Федоров; деятели культуры — Крамской, Ге, Чайковский, Тургенев, Горький, Стасов... Последователи и оппоненты. Охвачен огромный период — более полувека, с середины 50-х до 1910 года; идет перелистывание страниц долгой жизни — самые важные, с точки зрения автора, эпизоды, мысли, диалоги. В «Необходимых предуведомлениях» к книге Игорь Ефимов пишет: «В этом сценарии практически нет ни одного слова, сочиненного автором. Все монологи, реплики, комментарии и диалоги взяты из писем, дневников, воспоминаний супругов Толстых, их детей и родственников, их друзей и знакомых, навещавших Ясную Поляну в годы 1860—1910, изредка — из прозы Л. Н. Толстого. Существует вполне оправданное предубеждение против „копания в личной жизни“ великих людей. Однако щепетильный читатель/зритель должен иметь в виду, что граф и графиня Толстые с самого начала своей совместной жизни взяли за правило не иметь никаких тайн не только друг от друга, но и от широкого круга своих

знакомых и современников. Они давали друг другу читать свои дневники и письма к другим лицам, при жизни открывали доступ к этим материалам и своим детям, и родственникам, и биографам. В начале XX века Софья Андреевна предприняла долгий труд по переписке начисто дневников своего мужа, чтобы еще при его жизни сдать их в Исторический музей. Сам Лев Николаевич давал своей дочери Маше читать его дневники и делать из них выписки. В какой-то момент часть дневников была отдана для хранения и использования В. Г. Черткову. Все это свидетельствует о том, что Толстые *хотели быть услышанными*. Они верили, что их душевный опыт поможет людям открыть какие-то важные тайны нашего бытия на Земле. Вглядываясь в их жизнь, мы не должны чувствовать себя припавшими к замочной скважине, а наоборот — приглашенными в зрительный зал, где на сцене разыгрывается реальная драма их жизни, достигающая порой накала — и безысходности — греческих трагедий». Реальные драмы — это в первую очередь непростые отношения супругов, мужчины и женщины, мужа и жены; это конфликт духовных исканий Толстого и его попыток воплотить в жизнь свои идеи и прагматичных хлопот Софьи Андреевны. На ней одной лежали все хозяйственные и финансовые заботы, проблемы детей — а она родила тринадцать, из них пять умерли в детстве — больших и маленьких. Порой столкновения интересов, разнонаправленность устремлений супругов приводили к суицидальным попыткам Софьи Андреевны, к попыткам одного из супругов уйти из дома. К реальной драме двух людей добавилась со временем еще одна — отцы и дети. Многомерен Лев Толстой. Сергей Львович, сын: «Мне иногда кажется, что в папá уживается целая толпа самых разных людей. Тут и гордый аристократ, и смиренный художник; и русский офицер-патриот, и либеральный пацифист; и землевладелец, и ненавистник частной собственности; и страстно верующий, и враг церкви; и художник, и враг искусства; и охотник, и вегетарианец. Читатели восторгаются многообразием характеров в романах Толстого. ...Но мы-то знаем, что все это — галерея блистательных автопортретов». Илья Львович, сын: «Бедная мамá — каково ей ладить со всеми этими непримиримыми персонажами». Многогранен Лев Толстой, но многогранна и Софья Андреевна, которая как-то замечает: «Я могла бы насчитать полдюжины героинь Толстого, в которых находили мои черты». Не случайно в названиях актов — имена героинь произведений Толстого: в каждом из этих персонажей есть частичка Софьи Андреевны, хотя прототипов гораздо больше, и не единожды на страницах книги обсуждается, кто с кого списан, какие имевшие место события отражены в произведениях Толстого. Обсуждаются и произведения Толстого, отклики в прессе на их публикацию, реакции участников литературных чтений. В диалогах находят отражение все важнейшие события полувековой истории России, такие, как Польское восстание 1863–1864 годов, смерть Александра II, война с Японией, крестьянские волнения 1905–1907 годов и реакция на них Толстого и его окружения. Отражена и деятельность Толстого: помощь голодающим, помощь духоборам, яснополянская школа, его занятия крестьянским трудом, к которому он приучал и домочадцев. Но Игорь Ефимов не только большой писатель, подлинным героем прозы которого, по мнению критика Я. Гордина, всегда была страсть, но и философ. Искания христианской души, искания веры, борьба с сомнениями стали главным нервом в его романе «Пелагий Британец» (первая публикация под названием «Не мир, но меч», журнал «Звезда», 1996 год). Религиозные искания Толстого, его толкование Евангелия, мировоззрение, отношение к коренным вопросам бытия, к искусству, литературе, науке — один из важнейших нервов и этого романа. У Толстого в книге сильные оппоненты: Фет, Танеев, врач Снегирев, убедительно доказывающие несостоятельность воззрений Толстого. Но самый сильный удар по его

взглядам, наверное, наносит сама жизнь, как, например, изуродованные судьбы детей, в первую очередь дочерей и племянниц, ставших жертвами его идей, его отцовской ревности. Книга скандальная, в ней страница за страницей разоблачается несостоятельность, нежизнеспособность идей Толстого. Так, когда Софье Андреевне нужна срочная операция, чтобы спасти ее жизнь, Толстой не в силах принять решение, с одной стороны, считая, что надо подчиниться промыслу Божьему, с другой — мучается тем, «что где-нибудь в деревне лежит сейчас баба с такой же кистой и никакой столичный доктор к ней не примчится». Именно Софье Андреевне присущ позитивный, здравый смысл, и с этих позиций она судит своего супруга: «Мы люди простые, односторонние, а он — вековое явление».

Татьяна Белопухова. Шишка. Екатеринбург: Центральная типография, 2014. — 178 с.

Главная героиня — маленькая девочка Женька, довольно послушная, но ее безмятежное детство осложняли страсть к путешествиям и опасные забавы. То сбежит из детского сада, то начнет кидаться камнями с мальчишками стенка на стенку, то захочет прокатиться на поросенке или схватить на глазах у важно шествующих на водопой крылатых чудовищ одного из желтых пушистых гусят. У автора хорошо развито чувство юмора, комичные переделки, в которые попадает маленькая Женька, достойны ставших детской классикой приключений героев Н. Носова. Татьяна Белопухова вместе со своей героиней проходит по детской тропе познания: от первого воспоминания девятимесячной крошки до ее первого школьного дня. Праздником становился поход в парк с мамой, которая точно знала, как надо правильно гулять. Или когда бабушкины руки раздвинули для нее густую траву и показали веточку земляники. Полезными — уроки отца: давать сдачи, если тебя обижают. Случались неприятности: гусь поклюет, клещ в попу укусит, маму в бане потеряет. Горе придет, когда умрет любимый старший брат, и она побежит за гробом с криком «не уроните Шурика», а потом тяжело заболет и мама. И маленькая Женька будет превращаться из папы-маминой в бабушки-дедушкину и обратно, жить то на Урале, то на Кубани, быть то городской модницей в платьицах с рукавами фонариком, то бабушки-дедушкиной внучкой в бордовых штанах с начесом и в шерстяных носках. Время действия — шестидесятые годы прошлого века, уже почти исчезающая из памяти жизнь. «Вообще шестидесятые годы — время великих переездов. Народ легко снимался с места, ехал в новые неизведанные края. Романтика и строительство новой жизни были не пустыми словами. Поднимали целину, строили Братск, ехали в тайгу „за туманом и запахами тайги“. О деньгах говорить тогда считалось стыдным, хотя их всегда не хватало». Т. Белопухова воскрешает атмосферу тех лет, любовно описывает быт уральской деревни, ее стариковско-детский рай, быт кубанского совхоза-миллионера, мастерски воссоздает детали. Что такое детский лифчик и как с ним справляться. Какое значение имели галоши — залог уважения к себе и людям. Как выглядела баня городская и баня деревенская, черная, как проходили банные процессы. «Тогда еще не придумали шампуня и дезодоранты, не было губок для мытья посуды и тела, да много чего не было... Мылись мылом и лыковыми мочалками. Мыло было разное: земляничное, например. Обертка у него белая, по ней вьются зеленые земляничные веточки с красными ягодками. Само мыло розового цвета и сильно пахнет земляникой. Или, вот — мыло „Кармен“. на обертке нарисована голова красавицы испанки вполоборота. Тоже

розовое, но потемнее, сладко-пахучее, но чем пахнет — непонятно. А вот „Хвойное“ — оно, конечно, зеленое, и пахнет понятно чем — елкой». Шестидесятые годы — время, когда дети играли друг с другом, а не с гаджетами. Когда еще молоды были ветераны Великой войны, отец-офицер и его фронтовые друзья. Еще хорошо помнило старую жизнь дореволюционное поколение, и бабушка, родившаяся на Урале в самом начале XX века в богатой старообрядческой семье, рассказывает внучке Женьке о былом житии: о крепком двухэтажном доме из лиственницы, о женских занятиях: стряпали, пироги, куличи да шаньги пекли, кружева плели, ткали, вышивали, шили. Органично маленькая девочка приобщается к семейным корням. Прабабушкины платья, среди которых и свадебное платье из английского шелка, вытканное вручную муаровыми цветами, в котором прабабка венчалась в 1887 году. Удивительная еда, приготовленная в русской печке. Трудовые обычаи староверов. Старинный уральский диалект: извадила, разболокайся, скущали, качули. «Эх, коли я не молодес, то и свинья не красависа». Повествование идет неспешно, как неспешна и детская жизнь: с утра «по радио неслись бодрые марши», и «все находилось на своем месте — хорошее было хорошим, стыдное — стыдным, правильное — правильным — поэтому жизнь была простой и понятной». В поле зрения автора — вся Женькина ойкумена: дом, улица, игры, занятия, родственники и соседи — их судьбы и характеры. Повествование включает в себя многое: и детское восприятие жизни, и рассказ о времени и подлинных семейных ценностях, взаимопомощи и любви, о том, как в жизни человека появляется чувство родины, большой и малой. А еще — это книга о том, как важно каждому ребенку иметь семью, чтобы мама гладила по голове, а папа качал на коленях, приговаривая: «Ехали мы, ехали...»

Петер Слотердайт, Ганс-Юрген Хайнрихс. Солнце и смерть. Диалогические исследования / Пер. с нем., примеч. и послеслов. А. В. Перцева. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015. — 608 с.

Петер Слотердайт (р. 1947) — один из самых известных современных философов Германии. Первой его работой, принесшей ему славу, стала «Критика цинического разума» (1983 год), где он выделяет цинизм как особую форму «ложного сознания», полагая, что именно цинизм стал подлинным символом современности. Самой известной его работой остаются «Сферы», трехтомный труд, вышедший с 1998-го по 2004 год. Посвящен он анализу концепции сферы в западноевропейской интеллектуальной культуре. В настоящем издании о причинах успеха и востребованности немецкого философа в объемном послесловии «Сферология Петера Слотердайка: Запад сто лет спустя после заката» размышляет философ и переводчик Александр Перцев. «Слотердайт обсуждает темы, что у всех на слуху. Глобализация, генная инженерия, вред, наносимый окружающей среде, международные и межнациональные конфликты — темы, которые широкая публика вчера встречала в средствах массовой информации, сегодня уверенно опознает в книгах Слотердайка. Тот, правда, копает куда глубже, чем газеты и телевидение, но при этом — нескучно. Слотердайт подводит под актуальнейшие из тем теоретическую основу, но излагает теорию легким и понятным непрофессионалу языком. Он проводит нетривиальные исторические изыскания — и прослеживает тенденцию, которая провела сквозь века к нынешнему состоянию». Камнем посреди бурного потока общественного мнения называет А. Перцев Слотердайка, камнем, о который «этот поток разбивается и взлетает целой тучей брызг, создавая радужный ореол». «Петер Слотердайт — мыслитель протеста. Он никогда не старался быть

в *струе*. Наоборот, он всегда был *вне ее*. Он обосновал эту свою позицию в книге, которая предлагается вниманию читателя. Он написал, что ныне единство общества основывается не на коллективном труде, как в XIX веке, поскольку таковой прекратился, став коллективным виртуально, а на одинаковом реагировании всего общества на скандальные известия, которые для тестирования монолитности сообщества время от времени публикуют средства массовой информации. ...Слотердаик не просто противостоит всеобщему мнению. Он переоценивает ценности — самые что ни на есть фундаментальные, — предварительно „реконструировав“ их с размахом и большим вкусом. ...Когда все вокруг говорят, что мы достигли конца истории и вершины прогресса, Петер Слотердаик утверждает, что в нынешний цивилизованный мир пришла чума — просто она выглядит иначе, чем в Средние века. Это чума культурная. После нее мертвый человек продолжает ходить, осуществлять физиологическую жизнедеятельность и бурно теоретизировать в средствах массовой информации или на университетской кафедре. Но хороший диагност уже констатировал массовую гибель — а великий Майкл Джексон даже станцевал ее». А вот как описывает великую духовную чуму современного Запада сам Слотердаик: «Если вспомнить, что мы в 1960-е и 1970-е годы считали делом ближайшего будущего, чего, как мы полагали, вот-вот достигнем, если припомнить, какие открытия и прорывы предвещали тогда, то от сегодняшних отношений просто утрачиваешь дар речи: это уникальное оупление и оглушение, наподобие наркоза, неомещанство в социальной сфере, неосхоластика в теоретической сфере, наступление идиотизма в сфере массмедиа, злой рессентимент у старшего поколения, ставшее злым честолюбие у многих представителей молодежи; это время, лишенное духовности». Влияние на теории Слотердайка оказали работы М. Хайдеггера. М. Хоркхаймера, Т. Адарно. Как ученик Ф. Ницше, он непрерывно воюет с целым миром философов, в чем тоже идет вразрез с избегающей публичности академической, университетской философией. В какой-то мере, полагает А. Перцев, П. Слотердайка можно считать современным О. Шпенглером: первый описал «Закат Западного мира» в начале XX века, а второй описывает завершение этого процесса почти век спустя. П. Слотердаик констатирует, что ныне процесс духовного, культурного, творческого развития достиг финальной степени — глобализация близка к завершению, больше устремляться некуда. Мир стал единым и унифицированным. Природа не только покорена, но и почти убита, грядет великий экологический коллапс. Но люди спокойно и деловито готовятся к концу света, который в очередной раз обещали по телевизору. Непосредственный продолжатель Монтеня и Ницше, Слотердаик, несмотря на окружающую его духовную чуму, верит, что к победе над ней человечество приведет жизнерадостная философия. И в качестве примера обращается к «Декамерону» Боккаччо, который во время разгара чумы своими новеллами возвращал людям «право на веселость». Ведь есть предел, после которого душа человеческая уже не может выносить плохих новостей, когда-то вести о разгале чумы, сегодня — беспросветный мрак в СМИ. Защита разума от враждебного и пагубного окружающего мира — в простых житейских удачах, в простых и хороших новостях. В этой книге диалог с известным немецким философом ведет мастер биографического интервью Г.-Ю. Хайнрихс. Слотердаик рассказывает о своем становлении, о путешествии в Индию в поисках гуру; дает остроумный обзор современного состояния философии и европейской ментальности; размышляет об актуальных мировых проблемах: развитии генных технологий, агрессивности массмедиа и их воздействии на сознание, о губительных последствиях глобализации. Отдельная глава посвящена главному философскому труду Слотердайка — «Сферам». Язык Слотердайка уникален. В нем профессиональный сленг представителей самых

различных областей знания чередуется с теологическими и философскими терминами, а затем вдруг совершается внезапный переход к жаргонным словечкам и американизмам, столь любимым СМИ.

Игорь Курукин. Жизнь и труды Сильвестра, наставника царя Ивана Грозного. М.: Квадрига, 2015. — 192 с. — (Исторические исследования).

Сильвестр (конец XV в. — ок. 1566) — русский церковный, политический и литературный деятель XVI века, протопоп Благовещенского собора Московского Кремля, с 1547-го по 1560 год ближайший советник царя Ивана Грозного, один из руководителей Избранной рады. Он участвовал в важнейших идеологических мероприятиях, направленных на упорядочение жизни московского государства, на оформление идеи «святорусского царства». С его именем связано создание выдающихся памятников литературы и искусства (Домостроя, Степенной книги, росписей кремлевских палат), выдающееся культурное событие XVI века — возникновение книгопечатания в Москве. Он собирал рукописные книги, способствовал созданию монастырских книжных фондов, покровительствовал иконописцам. И он — одна из наиболее загадочных и удивительных личностей эпохи Ивана Грозного. Мнения и выводы исследователей противоречат друг другу: о нем высказывались взаимоисключающие суждения, то как о выразителе интересов боярской оппозиции, то как о представителе торгово-посадских кругов; ему приписывали и близость к «нестяжателям», и связи с «иосифлянами»; его влиянием объясняли благотворные перемены в характере царя — и его же обвиняли в разжигании религиозного фанатизма... Отправным пунктом для многих историков с XIX века стала концепция Н. Карамзина, опирающаяся на переписку Грозного и Курбского. У Курбского Карамзин заимствовал описание внезапного появления Сильвестра в 1547 году перед испуганным пожаром и народным восстанием царем, историю «Избранной рады», историю падения и осуждения Сильвестра и Адашева. А также деление царствования Ивана IV на два периода: период правления Сильвестра и Адашева как время наивысших успехов во внутренней и внешней политике страны, образец сотрудничества царя с боярами; период опричного террора. Впрочем, сам Карамзин осторожно относился к этому источнику, никаких обобщений, основанных лишь на нем, не делал. Историк Игорь Курукин прослеживает сложившиеся историографические традиции в освещении деятельности Сильвестра, обращается к источникам. Это в первую очередь послания Сильвестра царю Ивану IV с осуждением распространенного среди приближенных царя «содомского греха» и об ответственности земных властей перед Богом за вверенное им «стадо»; казанскому наместнику князю Александру Горбатову — своеобразная программа на закрепление, усмирение и христианизацию завоеванного края: к неизвестному опальному о неотвратимости и справедливости наказания за прегрешения. Это и «Дело Висковатого» — комплекс материалов 1553—1554 годов о выступлениях главы Посольского приказа дьяка Висковатого против новых икон и фресок, выполненных под руководством Сильвестра: «Нася видит латинские ереси мудрование». Это и несохранившиеся, но уцелевшие в описаниях «изографа» С. Ушакова фрески кремлевской Золотой палаты, отражавшие идею богоустановленности и избранности русской самодержавной власти. Это и житие Ольги, значительного по объему произведения Сильвестра, своего рода особое вступление к «Степенной книге», ставшей попыткой систематического изложения русской истории от княжения Владимира Святославича до Ивана IV. По замыслу автора житие должно было объяснить и утвердить происхождение «корни

российских самодержцев» от Рюрика до Ивана IV. Утверждалась не только идея богоизбранности Руси, но и мысль о превосходстве национального русского «самодержавства» над Византией. И. Курукин сопоставляет точки зрения историков на события и на источники, выявляет противоречия, сопоставляет летописи, списки, уточняет редакции, а иногда и авторство, и время создания того или иного источника. Он исследует полную неожиданных взлетов и падений карьеру Сильвестра и его личные отношения с царем, с митрополитом Макарием. Освещает политическую деятельность Сильвестра в 40–50-х годах. И приходит к неортодоксальным выводам, отличным от распространенных в литературе представлений. А была ли вообще Избранная рада? Что подразумевал под этим понятием Курбский, а что — историки? И. Курукин ставит под сомнение утвердившуюся еще в дореволюционное время концепцию о принципиальном расхождении внешнеполитических планов царя и правительства Сильвестра и Адашева, якобы стремившегося к войне с Крымским ханством, в то время как Иван Грозный добивался выхода России к Балтийскому морю. В действительности Адашев и Сильвестр предпочитали дипломатическое урегулирование конфликта дальнейшему военному наступлению на Ливонию, развитие торговых связей, в которых были заинтересованы и новгородские купцы, и купцы по преимуществу немецкие, Риги, Дерпта, Нарвы. Сильвестр выступал и против дискриминационной политики ливонских властей по отношению к русским купцам. Мир не сложился — из-за нежелания Ливонского ордена идти на переговоры. Далекая история очень актуально ложится на день сегодняшний. Еще один «парадоксальный» с точки зрения исторического клише вопрос: а была ли опала Сильвестра и Адашева со стороны царя, или они принимали самостоятельные решения о своей судьбе? Ведь вопреки утверждениям Курбского Сильвестр не был сослан в Соловецкий монастырь, а постригся в Кирилло-Белозерский, куда давно делал крупные вклады. И возмущаясь позднее, в переписке с Курбским, «собацкой властью» своих советников, Иван IV не мог привести конкретных свидетельств «измены» Сильвестра, он поминал только его «отягочения словеная», «злые советы» и «утеснения» и возмущался тем, как можно «попу повиноватися». Классическая диссертация историка, написанная в 1981 году и изданная ныне отдельной книгой, — это увлекательное повествование не только о судьбе и деяниях выдающегося государственного деятеля середины XVI века, но и о сложной политически и духовно насыщенной жизни Российского государства той эпохи.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

*Редакция благодарит за предоставленные книги
Санкт-Петербургский Дом книги (Дом Зингера)
(Санкт-Петербург, Невский пр., 28, т. 448-23-55, www.spbdk.ru)*